

Мануилов Александр Аполлонович

**Пособие к лекциям по
политической экономии
профессора А.А. Мануйлова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Аполлонович М.**
Пособие к лекциям по политической экономии профессора А.А. Мануйлова /
Мануилов Александр Аполлонович – М.: Книга по Требованию, 2024. –
228 с.

ISBN 978-5-519-95349-8

ISBN 978-5-519-95349-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

I. Предметъ политической экономіи.

Политическая экономія изслѣдуетъ соціальныя явленія, измѣняющія отношеніе къ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ существованія человѣческихъ обществъ — къ ихъ матеріальному быту.

Ея по интересуютъ сами по себѣ предметы необходимыя людямъ для удовлетворенія ихъ потребностей: это область наукъ, занимающихся изученіемъ вещей, какъ частицъ матеріальнаго міра. Она не изслѣдуетъ также и потребностей челоѣка, какъ проявленій его физической или духовной природы: это область фізіологій, эстетики и морали. Политическая экономія занимается явленіями, предполагающими и ту, и другую изъ указанныхъ областей, но не входящими ни въ одну изъ нихъ. Это явленія оцѣнки челоѣкомъ предметовъ вѣншнаго міра, или вещей. Всякая оцѣнка—явленіе психическое; она совершается въ челоѣческомъ сознаніи и поэтому по формѣ представляется фактомъ индивидуальнымъ, хотя сохраненіе ея можетъ быть дано извнѣ, продиктовано вѣншними вліяніями или общественными условіями.

Мы оцѣниваемъ вѣншній міръ на основаніи различныхъ критеріевъ: эстетическаго, религіознаго и др. Мы цѣнимъ его съ точки зрѣнія его красоты, единства и величія, полноты источниковъ познанія, которые онъ заключаетъ въ себѣ, и т. д. Можно оцѣнивать его и съ точки зрѣнія тѣхъ средствъ, которыми онъ предоставляетъ челоѣку для удовлетворенія потребностей его организма въ матеріальныхъ предметахъ. Оцѣнки, производимыя на основаніи этого послѣдняго критерія, выражаются въ намѣхъ сознанія въ позитивныхъ: положительномъ—полезности предметовъ, и отрицательномъ—ихъ

бездельности или вредѣ. Наше сознание создаетъ особый міръ полезностей, или благъ; но не всѣ блага вызываютъ къ себѣ одинаковое отношеніе со стороны человѣка. Съ этой точки зрѣнія блага могутъ быть раздѣлены на двѣ большихъ категорій. Существуютъ полезныя и даже необходимыя предметы, предоставляемые намъ природою безъ затраты съ нашей стороны труда и въ такомъ количествѣ, что какъ бы широко мы ими ни пользовались, мы не рискуемъ встрѣтиться съ недостаткомъ въ нихъ; таковы, напр., солнечный свѣтъ, воздухъ, вода въ мѣстахъ, гдѣ имѣются большіе водоемы и т. п. Это *свободныя* блага. Но существуетъ также множество такихъ благъ, которыя могутъ явиться только результатомъ труда, затраченного человѣкомъ на ихъ добываніе или изготовленіе, или же которыя, хотя и получаются безъ труда, по количеству ограничены въ сравненіи съ потребностью въ нихъ. Къ благамъ этой категоріи устанавливается у человѣка особое отношеніе: онъ дѣлаетъ ихъ объектами особаго рода дѣятельности и заботъ, направляемыхъ на ихъ добываніе или производство, на ихъ перевозку, храненіе или, наконецъ, на организацію пользованія ими. Признаніе предмета полезнымъ само по себѣ еще не соединяется съ такою дѣятельностью. Изъ признанія полезности воздуха или свѣта не вытекаетъ заботы объ ихъ накопленіи, храненіи и т. п. Эти заботы вызываются только сознаніемъ, что запасъ предметовъ, признаваемыхъ полезными или необходимыми, истощимъ, и что онъ или вовсе не можетъ быть пополненъ, или же можетъ пополняться не иначе, какъ при помощи проявленія со стороны человѣка опредѣленной дѣятельности. Особое значеніе, придаваемое человѣкомъ такимъ благамъ, выражается въ понятіи цѣнности.

Полезность и цѣнность представляютъ понятія, въ которыхъ мы выражаемъ результаты оцѣнокъ, произведенныхъ при помощи различныхъ критеріевъ: полезность получается при оцѣнкѣ предмета съ точки зрѣнія его пригодности удовлетворять человѣческимъ потребностямъ; цѣнность—результатъ оцѣнки полезнаго предмета съ точки зрѣнія его количественной ограниченности, въ указанномъ выше смыслѣ, или труда, требуемаго для его добыванія, производства, перевозки или храненія. Мы считаемъ цѣнными алмазы, пред-

сталиющийся рѣдкость, или желѣзо, которое добывается изъ пѣдръ чловѣческимъ трудомъ; но солнечный свѣтъ—только полезность.

Полезность является для каждаго продуктомъ его личнаго сознанія: я признаю предметъ полезнымъ лишь постольку, поскольку онъ *мнѣ* представляется таковымъ. Пригодность вещи можетъ быть опредѣлена только съ точки зрѣнія потребностей того, кто потробоить или используетъ эту вещь. Поэтому понятіе полезности никому не можетъ быть навязано извнѣ. Никакія внѣшнія вліянія или соціальныя условія не могутъ заставить меня признать полезнымъ то, что я считаю непригоднымъ для удовлетворенія моихъ потребностей. Правда, я могу считать известную вещь *вообще* полезною, хотя мнѣ лично она и не пужна; но это нисколько не противорѣчитъ вышесказанному выше; и въ этомъ случаѣ только отмѣчаю то, что данный предметъ признается другими людьми пригоднымъ для удовлетворенія ихъ потребностей, т. е. считается ими полезностью. Несомнѣнно, однако, что онъ признается таковымъ каждымъ изъ нихъ для себя, т. е. съ точки зрѣнія потребностей каждаго. Иное дѣло цѣнность. Наблюденіе надъ окружающею насъ дѣйствительностью убѣждаетъ насъ въ томъ, что цѣнность вещей не опредѣляется исключительно нашимъ внутреннимъ сознаніемъ. Если мое представленіе о полезности хлѣба зависитъ отъ того, какъ я опредѣляю свою потребность въ немъ, то цѣнность хлѣба колеблется независимо отъ измѣненій моего сознанія. Наоборотъ—она колеблется измѣняютъ послѣднее: фунтъ хлѣба во время голода или въ осажденномъ городѣ можетъ цѣниться въ 10 или 20 разъ дороже, чѣмъ въ обычное время, и съ этимъ фактомъ я вынужденъ считаться, какъ съ чѣмъ-то объективнымъ, почти какъ съ дѣйствіемъ непреодолимой силы природы. Оцѣнка хлѣба, т. е. цѣнность, по формѣ всегда будетъ актомъ моего личнаго сознанія, но по содержанию она фактъ, существующій внѣ меня. Это фактъ по индивидуальный, а соціальный.

Можно указать тысячи случаевъ, когда мы безпрекословно подчиняемся оцѣнкѣ предметовъ, имѣющей по отношенію къ нашему личному сознанію объективное значеніе. Наша личная оцѣнка представляетъ при такихъ условіяхъ только отраженіе

вышшаго факта соціальної оцінки, позначивши індивідуальний характер.

Посмотря, однако, на свое объективное значение, социальные оценки не составляют свойств самих вещей. Они не что иное, какъ охватившее множество сознаний единообразное сужденіе о той или другой вещи. Такое сужденіе не принадлежит ни одному индивидууму въ отдельности; для каждаго изъ нихъ оно составляетъ нечто существующее вне его, и поэтому представляется ему вышшимъ, объективнымъ фактомъ. Когда мы говоримъ: рыночная цѣна жетѣза, биржевой курсъ бумаги, уровень заработной платы и т. д., мы называемъ общераспространенныя въ извѣстной средѣ или даже общеприпятыя въ ней сужденія. Соціальные оценки представляютъ психическіе факты: они живутъ только въ сознаніи людей. Но если индивидуальныя сознанія воспринимаютъ ихъ извне, то является вопросъ: какъ же они возникаютъ? Если социальные оценки не составляютъ продуктовъ индивидуальнаго сознанія и въ то же время не могутъ быть разсматриваемы, какъ свойства вещей, то остается заключить, что они образуются на почвѣ психическаго общенія людей, живущихъ въ обществѣ. То, что называется рыночнымъ торгомъ, представляетъ примѣръ такого общенія; въ результатъ его получается установленіе въ сознаніи массы людей общаго сужденія о цѣнности вещей, называемое рыночной цѣной. Поясненіемъ того же явленія можетъ служить курсъ цѣнныхъ бумагъ, устанавливающийся на биржевыхъ собраніяхъ. Ни рыночная цѣна товаровъ, ни биржевой курсъ не диктуются извне какою-либо властью, ихъ не устанавливаетъ какая-нибудь сила природы и не приносятъ съ собою кто-либо изъ участниковъ торга; они возникаютъ и фиксируются тутъ же, на товарномъ рынкѣ или на биржѣ, подъ вліяніемъ общаго мнѣнія между торгующимися, т. е. подъ вліяніемъ психическаго воздѣйствія ихъ другъ на друга. При этомъ сглаживаются индивидуальныя черты сужденій, и образуется среднее господствующее мнѣніе, представляющее равнодѣйствующую психическихъ силъ, столкнувшихся при торгѣ. Это среднее сужденіе не принадлежитъ никому изъ отдельности, хотя и составляетъ психическій продуктъ всѣхъ, активно выступав-

нихъ на рынокъ или на биржѣ. Для каждаго оно является чѣмъ-то общимъ, объективнымъ, индивидуальнымъ.

Соціальныя оцѣнки предметовъ внешнего міра представляютъ основу хозяйственной жизни соціального цѣлаго, или общества. Изъ нихъ исходитъ и отъ нихъ исходитъ все нити экономическихъ явленій. Они служатъ стимуломъ хозяйственной дѣятельности людей и даютъ ей направленіе. Это вытекаетъ изъ элементарнаго психическаго закона, въ силу котораго мы готовы затрачивать нашу энергію только на производство такихъ предметовъ, которые представляютъ въ нашихъ глазахъ цѣнность. Если оцѣнка какого-либо товара повышается, то при равенствѣ прочихъ условій это обстоятельство усиливаетъ побужденіе производить его; наоборотъ—обесцѣненіе товара ведетъ къ упадку его производства и даже къ полному прекращенію послѣдняго. Такимъ образомъ, соціальныя оцѣнки служатъ психическимъ источникомъ хозяйственной дѣятельности и ея регуляторомъ. Съ другой стороны, сами соціальныя оцѣнки представляютъ продукты сложнаго взаимодействия силъ какъ психическихъ, такъ и матеріальныхъ. На нихъ вліяютъ условія производства, человѣческія потребности, организація сбыта и многія другія причины.

Политическая экономія изслѣдуетъ какъ явленія, вытекающія изъ соціальныхъ оцѣнокъ, такъ и факторы, приложимыя къ образованію послѣднихъ. Соціальныя явленія входятъ въ область экономической науки лишь постольку, поскольку они могутъ быть рассматриваемы, какъ причины или слѣдствія соціальныхъ оцѣнокъ. Только связь съ послѣдними придаетъ имъ характеръ экономическихъ явленій; эта связь представляетъ существенный признакъ „экономическаго“. Возьмемъ, напр., производство предметовъ необходимыхъ человѣку. Если разсматривать производственный процессъ, какъ рядъ операций, направленныхъ къ достиженію определенной матеріальной цѣли—изготовленію вещи, то онъ представится явленіемъ *техническимъ*. Напр., процессъ изготовленія паровоза можетъ быть разсматриваемъ, какъ рядъ операций, направленныхъ къ постройкѣ машины, которая удовлетворяла бы опредѣленнымъ требованіямъ: была бы способна переводить теплоту въ движеніе, давая при этомъ максимумъ полезной работы, могла

бы развивать известную скорость и т. д. Съ точки зрѣнія этихъ требованій могутъ быть разсматриваемы ислѣ опорацин, производимыя надъ желѣзомъ и другими матеріалами, изъ которыхъ строится паровозъ: по отношенію къ каждой опорацин можетъ быть установлено, въ какой мѣрѣ она соотвѣтствуетъ конечной цѣли производственнаго процесса, т. е. насколько она способствуетъ достиженію желаннаго результата. Съ той же точки зрѣнія могутъ быть разсматриваемы и самыя матеріалы, являющіеся объектами работы: напр., можно опредѣлить пригодность желѣза или стали со стороны ихъ прочности или пластичности для устройства той или другой части паровоза и т. п.

Такая точка зрѣнія на матерію и работу опредѣляетъ собою отношеніе техники къ явленіямъ. Это *техническая* точка зрѣнія.

Политическая экономія разсматриваетъ явленіа, исходя отъ иного принципа. Матеріальная цѣль, преслѣдуемая техникой, интересуетъ экономиста лишь постольку, поскольку съ нею связано сужденіе о цѣпности; она интересуетъ его какъ предметъ, которымъ люди дорожатъ въ зависимости отъ того, что производство этого предмета стоитъ труда, или количество его ограничено по отношенію къ потребности въ немъ. Процессъ производства съ экономической точки зрѣнія направленъ на изготовленіе вещей, имѣющихъ цѣпность. Можно построить паровозъ, отвѣчающій въ полной мѣрѣ требованіямъ техники; но если онъ будетъ построенъ въ странѣ, въ которой нѣтъ желѣзныхъ дорогъ и поэтому нѣтъ спроса ни паровозы, онъ не будетъ представлять экономической цѣпности. Съ точки зрѣнія экономиста процессъ производства при такихъ условіяхъ долженъ быть признанъ неудачнымъ; его результатъ будетъ равенъ нулю. Между тѣмъ для техника тотъ же процессъ представителъ вполне удавшимся. Различіе въ сужденіяхъ техника и экономиста обуславливается различіемъ въ точкахъ отпращиванія того и другого: одинъ исходитъ отъ матеріальной цѣли — изготовленія вещи, другой — отъ психической — установленія известнаго сужденія въ человеческомъ сознаніи, именно опредѣленной оцѣнки изготовленнаго предмета.

Экономистъ изслѣдуетъ явленіа лишь постольку, поскольку они представляются, такъ сказать, окрашенными элементомъ

оцѣнки до того предѣла, до котораго возможно выдѣлнить присутствіе или вліяніе этого элемента. Пояснимъ это примѣромъ. Трудъ живописца, изготовляющаго рисунки для ситценабивной фабрики, является однимъ изъ факторовъ, вліяющихъ на оцѣнку продукта—ситца, и вліяніе его можетъ быть прослѣжено и учтено, потому что оно обнаруживается въ конкретномъ хозяйственномъ процессѣ. Трудъ такого живописца подлежитъ разсмотрѣнію экономиста. Несомнѣнно также, что трудъ профессора живописи, обучающаго живописца, оказываетъ косвенное вліяніе на результатъ производственнаго процесса, въ которомъ участвуетъ живописецъ. Тѣмъ не менѣе политическая экономія не будетъ заниматься изученіемъ этого фактора по той причинѣ, что преподавательская дѣятельность профессора живописи не связана съ конкретнымъ производственнымъ процессомъ, и учесть ея вліяніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не представляется возможнымъ.

Итакъ, политическая экономія изслѣдуетъ явленія, прямо или косвенно связанныя съ социальными оцѣнками, и въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ эта связь можетъ быть прослѣжена и учтена.

2. Ученіе о хозяйственномъ бытѣ.

Экономическія явленія могутъ быть изучаемы прежде всего, какъ конкретные факты. Это составляетъ задачу ученія о хозяйственномъ бытѣ въ настоящемъ и прошедшемъ, т. е. описанія современной хозяйственной жизни и хозяйственной исторіи.

Изслѣдователь хозяйственнаго быта не ограничивается простыми констатированіемъ фактовъ. Онъ опредѣляетъ всѣ соотношенія между ними, до причинной зависимости исключительно. Но выводы подобнаго изслѣдованія связаны съ конкретными данными и не могутъ быть, по крайней мѣрѣ, непосредственно распространяемы на явленія, не входившія въ кругъ изслѣдованія. Отмѣчая, напр., высокій уровень заработной платы въ Америкѣ, изслѣдователь быта этой страны стремится выяснитъ и причины этого явленія. Хотя выводы его и будутъ заключать въ себѣ элементы для выясненія об-

ного вопроса о причинахъ, влияющихъ на высоту заработной платы въ разныхъ странахъ, тѣмъ не менѣе они все-таки будутъ приурочены къ конкретнымъ фактамъ и будутъ имѣть только частное значеніе: заключенія, къ которымъ пришелъ изслѣдователь относительно Америки, могутъ оказаться неприменимыми къ другимъ странамъ. Сказанное въ еще большей степени относится къ исторіи хозяйственного быта: историческія изслѣдованія имѣютъ дѣло съ комбинаціями фактовъ настолько конкретного характера, что даже историческія аналогіи представляются болыною частью рискованными, не говоря уже о полномъ приращеніи выводовъ, полученныхъ при изслѣдованіи одного комплекса явленій, къ другому.

Свѣдѣнія, относящіеся къ хозяйственному быту современныхъ народовъ, входятъ въ область дисциплины, которую можно назвать *экономической географіей*, или *описательной экономіей*. Подобныя же свѣдѣнія, когда они относятся къ прошлому, составляютъ содержаніе *экономической исторіи*, или *исторіи хозяйственнаго быта*. Въ цѣломъ эти двѣ дисциплины составляютъ *ученіе о хозяйственномъ бытѣ*. Въ близкомъ отношеніи къ этой отрасли экономической науки находится *исторія экономическихъ идей*, изучаемая обыкновенно въ связи съ хозяйственной исторіей.

3. Теорія политической экономіи.

Изученію конкретныхъ явленій не удовлетворяетъ человеческаго ума, стремящагося по своей природѣ къ обобщенію знаній. Чѣмъ обширнѣе и разнообразнѣе кругъ нашихъ наблюденій, тѣмъ сильнѣе ощущается нами потребность въ такомъ описаніи наблюдаемыхъ явленій, которое охватывало бы ихъ возможно шире—было бы наиболѣе обобщеннымъ описаніемъ ихъ формъ и соотношеній между ними. Подобныя описанія составляютъ то, что называется теоріей. Теорія упрощаетъ познаніе дѣйствительности, потому что заранѣе снабжаетъ наблюдателя запасомъ свѣдѣній, применимыхъ къ массѣ случаевъ, и указываетъ направленія, въ которыхъ слѣдуетъ искать объясненія наблюдаемыхъ явленій. Напр., теорія заработной платы содержитъ рядъ общихъ положеній, отмѣчаю-

цяхъ факторы, *вообще* вліяючіе на высоту вознагражденія труда, на колебанія платы, на ея форму и т. д. Теоретическія положенія этого рода не даютъ готоваго отвѣта на вопросы, выдвигаемые дѣйствительностью, но они облегчаютъ полученіе этихъ отвѣтовъ. Напр., на вопросъ: почему заработная плата американскаго рабочаго въ нѣсколько разъ выше русскаго, теорія заработной платы не даетъ готоваго отвѣта, но она говоритъ, что высота заработной платы *вообще* зависитъ отъ уровня потребностей рабочаго класса и устойчивости этого уровня, отъ соотношенія между спросомъ и предложеніемъ рабочей силы, отъ юридическаго положенія рабочихъ, отъ распространенности и силы рабочихъ организацій и т. д. Пользуясь такими указаніями, изслѣдователь легко ориентированъ въ поставленномъ выше вопросѣ: онъ разсмотритъ въ приложеніи къ Америкѣ и Россіи всѣ факторы, вообще вліяючіе на высоту заработной платы, и выяснитъ, какіе изъ этихъ факторовъ и въ какой степени обнаруживаютъ свое дѣйствіе въ отношеніи платы американскаго и русскаго рабочаго.

Знакомство съ теоріей вопроса, съ одной стороны, направляетъ мысль изслѣдователя на пути, ведущіе къ рѣшенію интересующей его конкретной задачи, а съ другой—предостерегаетъ отъ упущеній и ошибокъ. Теорія тѣмъ и важна, что она стремится охватить *все* факторы, вліяючіе на явленія, и при этомъ опредѣляетъ относительное значеніе cadaго фактора въ отдѣльности. Этими она обезпечиваетъ полноту и цѣнность изслѣдованія. Въ приведенномъ выше примѣрѣ изслѣдователь, лишенный теоретической подготовки, легко могъ бы придать преувеличенное значеніе такому фактору, какъ рабочія организаціи или стачки, не обративъ вниманія на предѣлы, въ которыхъ этотъ факторъ можетъ вліять на высоту заработной платы, и на тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ это вліяніе. Теорія предохраняла бы его отъ такого преувеличенія, указавъ моменты, которыми опредѣляется вообще вліяніе рабочихъ организацій на вознагражденіе труда.

Теорія политической экономіи представляетъ собою обобщенное описаніе формъ экономическихъ явленій и соотношеній между ними.

4. Экономическая политика.

Человѣчество стремится къ разрѣшенію практическихъ задачъ, выдвигаемыхъ жизнью; между тѣмъ для этого недостаточно констатировать факты, привести ихъ въ порядокъ и вывести связь между ними. Недостаточно дать и теоретическое объясненіе явленій. Требуется нечто большее: оцѣнка дѣйствительности и установленіе цѣлей для дѣятельности людей, а когда эти цѣли установлены, изысканіе средствъ для ихъ достиженія. Можетъ ли политическая экономія не только изслѣдовать явленія, но также заниматься вопросомъ, къ какимъ цѣлямъ слѣдуетъ стремиться и противъ какихъ явленій бороться? Не входитъ ли въ область политической экономіи наряду съ констатированіемъ и объясненіемъ фактовъ также и опредѣленіе того, что *должно* быть, къ чему люди *обязаны* стремиться? Я не вижу причинъ, по которымъ политическая экономія не могла бы или не должна была бы заниматься и вопросами этого рода; но слѣдуетъ отдать собѣ отчетъ, что она можетъ дать въ этомъ направленіи, и чего отъ нея нельзя требовать.

Нельзя опредѣлить *должнаго*, т. е. указать, къ чему надлежитъ стремиться, какъ къ желательному, и чего избѣгать, не зная, что хорошо и что дурно. Такія указанія предполагаютъ моральную *оцѣнку* фактовъ, а оцѣнивать можно, только имѣя въ рукахъ критерій оцѣнки. Именно моральныхъ критеріевъ политической экономія и не въ состояніи дать. Они должны быть заимствованы изъ другихъ областей човѣческаго ~~знанія~~ ^{сознанія}. Намъ нѣтъ надобности входить здѣсь въ обсужденіе философскаго вопроса о происхожденіи моральныхъ критеріевъ човѣческихъ оцѣнокъ. Составляютъ ли они продукты опыта, или являются истинными *a priori*—это въ данномъ случаѣ совершенно безразлично; важно то, что они существуютъ, и что выраженіемъ ихъ служитъ нравственное сознаніе людей, лежащее въ основѣ ихъ культурныхъ идеаловъ. Критеріи човѣческихъ оцѣнокъ, несмотря на ихъ историческій, т. е. измѣняющійся характеръ, имѣютъ тѣмъ не менѣе объективное значеніе: для данной эпохи и данной совокупности условій жизни они не являются произвольными и вполне субъективными; въ нихъ содержится,